

лам, к ее пейзажам, с ее природой связана. Так что любовь к русскому языку, она неотделима от нашего патриотизма.

Но что мне хотелось бы отметить особенно. Что патриотизм, настоящая патриотизм — это нечто прямо противоположное шовинизму. И вот именно об этом надо напоминать, потому что иногда путают эти два понятия — патриотизм и шовинизм, потому что патриотизм основан на любви к своей стране, а шовинизм основан на ненависти к другим народам. И из ненависти к другим народам никогда не получится любовь к своей стране, особенно к такой, как русская страна, как советская страна, которая многонациональна по своей природе. И русская культура с ее русским языком — это культура очень многих народов, которые...

(Переговоры.)

Это отчасти обнаружилось сегодня, особенно в выступлении Лыма Васильевича. В русскую культуру вложили какую-то свою долю учителя и греки, и финны, и болгары, и татары, и народы западноевропейские, скандинавские, французские, англичане, и, главным образом, конечно, те народы, которые живут в пределах Российской Федерации, в пределах нашей Родины. И в частности, с конца XIX века большую долю в сложение русской культуры вложили евреи — и писатели, и художники, Левитан и так далее...

Таким образом, русская культура — это культура, которая, в сущности, не может быть определена ни расово, ни паспортно, а она является культурой многонациональной в соответствии с духом русской культуры, о которой, кстати сказать, так хорошо говорил Достоевский, вот здесь вспоминалась эта его речь на пушкинских торжествах.

Вахтин: Совершенно верно. Тут говорилось, что с языком, с словесной речью шутить нельзя, потому что словесная речь целого века — это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом. И вот я под занавес хочу сказать, что эта комиссия, которая хочет реформировать русский язык... <Пропуск в стенограмме.>

Вахтин: На этом, по-видимому, мы можем закончить нашу беседу. Во всяком случае, давайте будем еще не раз возвращаться к этой теме.

(Переговоры.)

Солоухин: Не знаю, как зрителям, но мы очень интересно поговорили.

Вахтин: Благодарю.

(Конец передачи.)

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР 7.1.66¹

[Обсуждение передачи «Литературный вторник»
участниками заседания]

Тов. Фирсов: Первоначально замысел очередного «Литературного вторника», с которым Ленинградское телевидение ежемесе́чно выходит на 1-ю программу, сводился к тому, чтобы поднять вопрос о сохранении памятников старины. Эта тематика отбегнута, а затем было решено поднать проблемы, связанные в основном с чистотой и культурой русского языка.

Редакция литературно-драматических передач Ленинградского телевидения, опираясь на Союз писателей, в частности на Вахтина, до этого участвовавшего в подготовке и проведении передачи, вошла в контакты с официальным литературоведением. Была договоренность, что в этой передаче примет участие Идачев. Затем были подобраны другие участники передачи: Успенский, Солоухин, кандидат наук Иванов, научный сотрудник музея Пушкинского Дома Емельянов, а также московский критик, завующий отделом журнала «Дружба народов» Бушин.

Сейчас можно говорить о печальных результатах, которые имели место после этой передачи. Но первоначально представленные ими [участниками передачи] тезисы резко отличались, от того, что было представлено на самом деле. Передаче предшествовала поездка двух редакторов в Москву.

Анализируя этот случай и пытаясь разобораться в серьезном идейном промахе и ошибке, следует разделить вопрос на несколько частей.

Первая. Степень вины работников Ленинградского телевидения. Поскольку они приглашали людей, они и должны нести ответственность. Я думаю, что три подготовки этой передачи оказались нарушенными многие из основных принципов, которые должны были сопровождать подготовку такой передачи. Я думаю, что наша редакция не провела достаточно тщательного подбора авторов. Здесь следовало бы изучить мировоззрение этих людей по ряду вопросов. В основном этим можно объяснить явление в передаче Бушина.

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 1, д. 866, л. 55-83.

Вторая. Несмотря на то что мы имеем довольно строгое предупреждение требовать от выступающих развернутые тезисы их выступлений, этот принцип не был соблюден.

Третья. Еще одна ошибка состояла в том, что на роль ведущего был приглашен неподходящий человек, хотя, возможно, и сведущий.

Но, справедливости ради, я должен сказать, что при обговоре данной передачи некоторые ее участники, в частности Волков, говорили о том, что они предполагают поднять вопросы, связанные с тем, что в наше время необходимо изучать старую культуру, на что им было сказано, что к этой проблеме обращаться не следует. Волков эту границу перешел.

Что касается Бушина, я его оцениваю как злобное выступление. Он не должен был выходить за рамки тех этических норм, тех вопросов, которые им поднимались в его же статье.

Поэтому цитирование писем, подбор писем, сама форма — это все было отступлением. И о том, что так будет, о том, что он так собирается говорить, никто не знал.

Я думаю, что наше отступление от норм высокой бдительности позволило первоначально намечавшийся разговор превратиться в бесхребетную передачу. Участники дискуссии оказались предоставлены сами себе.

То же самое относится и к оценке, в частности, превышения роли церковно-славянской литературы.

Что касается выступления Бушина, то я его оцениваю как политически вредное. Оно не должно было появляться на экране Ленинградского телевидения.

Что касается ответственности за эту передачу, то я думаю, что каждый из присутствующих представителей студии будет за нее по своему отвечать.

Тов. Мяснев: Чем вы объясняете, что в работе Ленинградской студии имеются такие срывы? Я имею в виду эту передачу, «Горькие травы», неверную трактовку некоторых проблем?

Тов. Фирсов: Я это могу объяснить тем, что я сам недостаточно требователен к своим подчиненным. Собственное мировоззрение и собственные взгляды на вещи мне не всегда удается распространить на каждого подчиненного.

Тов. Рапохин: Каково отношение самих работников Ленинградского телевидения к таким идеологическим срывам?

Тов. Фирсов: Могу сказать, что в тех случаях, когда бывают ошибки, при серьезной подготовке и серьезном и глубоком разъяснении дается возможность людям добиться правильного понимания по

ложения дела. Эта передача еще не обсуждалась официально. Поэтому я не могу сказать, как отнеслась официально общественность к этой передаче. Но я могу сказать, что в общей массе сотрудники телевидения отнеслись к ней правильно.

Вопрос: Каким образом Бушин попал в вашу передачу?

Тов. Фирсов: Проблема переименования улиц существовала. По рекомендации Вахтина и Солоухина, для того чтобы осветить эту тему, и был приглашен Бушин.

Почему эту передачу выдали в эфир? Во-первых, лично я считал, что эта передача не осуществлялась. Его осуществлял мой заместитель Струженцов. И я от него получил информацию, что эта передача готовится и она ни у кого не вызывает никаких сомнений.

Почему я ее не остановил? Я разрывался между нею и второй передачей и не дал команды не давать ее в эфир.

Тов. Копылова: Эта передача готовилась обычным путем. Мы разговаривали со всеми участниками-ленинградцами несколько раз, с московскими товарищами разговаривали по телефону. Большинство из этих людей уже выступало по телевидению, например Иванов, и выступления их были положительными. Иванова мы взяли по рекомендации Лихачева. У истоков этой передачи стояли Вахтин и Лихачев.

Иванов — один из крупнейших языковедов, который занимается славянской филологией, а также математической лингвистикой.

Видимо, наша большая ошибка заключается в том, что мы не согласовали весь московский состав, потому что именно москвичи сыграли здесь такую роль, не согласовали с Союзом писателей.

Бушин появился по рекомендации «Литературной газеты». Его выступления в газете были далеко не такими, как на телевидении, которое я считаю просто хулиганским.

Тов. Иванов: Какая же предварительная работа велась с участниками этой передачи?

Тов. Копылова: Мы сначала наметили ход этого разговора, который был продиктован дискуссией в «Литературной газете». После этого Вахтин связался с другими участниками этой передачи. Вся передача была задумана не так, как она получилась.

Когда мы приехали в Москву, оказалось, что часть участников отпала.

Со всеми участниками этой передачи мы провели разговор. Что говорил Волков о литургии, мы отвергли и наметили границы выступлений. Для большей работы над передачей у нас не было времени, потому что все участники ее приехали только 3-го числа, а план она 4-го. Во время обговора все соответствовало нашему плану.

Большая ошибка наша заключается в том, что мы всё прослушали тезисно. Иванов, например, на нашем обговоре не приводил никаких примеров. Что касается Бушина, то он даже в отношении к людям, с которыми вступил в контакт в этой передаче, поступил просто непорядочно.

Тов. Иванов: В Союз писателей вы не ходили?

Тов. Копылова: Нет.

Тов. Иванов: А в литературной редакции Центрального телевидения были?

Тов. Копылова: Да.

Тов. Иванов: Советовались с ними?

Тов. Копылова: Нет.

Тов. Филиппов: Я должен честно рассказать, как, в моем представлении, могла появиться на Ленинградской студии подобная передача, по существу, сомкнутая фронт тех, которые ведут атаки на политику нашей партии по литературе и другим каналам. Я ее оцениваю так. Здесь вопрос о том, как она готовилась. Я считаю, что правомерно, что студия взяла эту тему. Но объективно сложилось так, что подбор авторов был сугубо односторонним. И тот факт, что во главе подготовки оказался Вахтин, и тот факт, что в их рядах оказались Бушин и Волков и не оказались другие авторы, которые выступали в печати против засорения русского языка.

Я должен сказать, что в Ленинграде делалась попытка атаковать под видом защиты нашей старой культуры то, что утверждается.

Солоухин, выступавший в одной из предшествующих передач в развязной форме, несмотря на то что ему было запрещено говорить на эту тему, тем не менее оказался здесь, в числе авторов. Правда, он ушел в сторону от этих споров. Но никто другой, как Солоухин, подставил Бушина, который говорил в еще более развязной и апологичной форме.

Волков характеризуется как специалист по вопросам древнерусской культуры, специалист по изучению памятников культуры. Этих позиции разделяли и некоторые ленинградцы.

Поэтому мне представляется, что волею или неволею наши редакторы подошли к тому, что здесь оказалось. Этому содействовали и сама порочная подготовка.

При подготовке оказалось, что не были соблюдены элементарные правила.

У нас на телевидении стали увлекаться дискуссией. Причем на эти дискуссии мы пытались вытаскивать вопросы без твердо определенной цели, прежде всего на слушателя, т. е. телезрителя

Примерно такой же пример был с передачей «Горизонта» [Молодежная программа ЛСТ], где выступающие говорили что хотели. Мы, к сожалению, стали тащить на телевидение такие темы для дискуссий, которые нужно обсуждать в семейном кругу, в кругу писателей и т. д.

Мы в категорической форме потребовали, чтобы ни одна передача остро дискуссионного характера не шла без текста и, во-вторых, чтобы проводились такие репетиции, которые бы полностью воспроизводили то, что пойдет в эфир. Конечно, единственный выход состоит в том, чтобы подобные вещи предварительно записывались, рассматривались, корректировались и затем только шли в эфир.

Но здесь это не было соблюдено. С некоторыми участниками только поговорили по телефону и лишь при встрече оговорили тему разговора.

Что касается Солженицына, то он был заложен в самом начале.

Товарищ, который должен был следить за этим делом, — Никитин. Он вообще к этой передаче, по существу, не имел никакого отношения, а только слышал, о чем в ней пойдет разговор.

Струженцов только посмотрел папки.

Мне кажется, что главная причина состоит в том, что наши товарищи на студии телевидения проявили, несмотря на наши общие попытки повлиять, притупленное чувство высокой политической ответственности. Где-то у них есть непоследовательность в идейно-политических убеждениях. Когда мы говорим, что все, что идет в эфир, должно быть окрашено в революционный цвет, одни понимают это буквально, другие равнодушно, третьи усмеваются, в том числе и те редакторы, которые здесь.

Мы с Муравьевой встречаемся не в первый раз. И то, что она оказалась у истоков, я хочу думать, что это случайно. Но факты — упрямая вещь. Книга [Битова], которая была раскритикована на съезде писателей, через некоторое время оказалась в эфире, и автором передачи была Муравьева. Она должна была быть уже тогда уволена, потому что уже тогда за ней водились грешки.

Мы как-то идем в обход, когда приглашаем авторов, в обход тех, которые должны отвечать за авторов, которых рекомендуют, потому что я должен верить рекомендующим, как себе. Вахтин еще не во всем четко разбирается, а к тому же он оказался и безруким. Если человек говорит не то, то подойди и зажми ему рот.

Мы пытались определить некоторые меры, в частности ужесточить на всех студиях контроль за подготовкой. Мы хотим повысить контрольные функции редакции программ и выпуска. Этим редакциям дается право снимать передачи. Мы оговорили, что передача

должна идти только после сдачи полных текстов, либо после записи на пленку. Мы наметили рассмотреть каждого работника и занимаемую им должность. Но нам предстоит и еще другая большая воспитательная работа.

Я хотел бы на Комитете сказать, что у нас есть силы для того, чтобы не только таких, но и подобных передач из Ленинграда больше не было.

Тов. Трегубов: Я не случайно задал вопрос о том, что знали ли товарищи, что незадолго до этой передачи проходила в Москве дискуссия, на которой критиковались те тенденции, которые проявились в этой передаче. Товарищ Егорычев показал всю ошибочность таких тенденций. И Бушин присутствовал на этом заседании.

Семья Иванова была тесно связана с Пастернаком. И они всегда пытались пропагандировать творчество Пастернака.

Я уверен, что любое иностранное агентство взяло бы эту передачу и пустило бы в эфир.

Как поставлен вопрос о Хлебникове: это лучше, что есть в русском языке. Посмотрите, как разделяются со всеми нами! Как поставлен другой вопрос: в России все разрушено, разрушены церкви, мост назвали мостом Советской Армии. Подумать только!

Николай Николаевич [Месяцев] звонит в Ленинград, правильно делает, а передача идет.

Это ведь реванш ленинградцев за выступление Егорычева, за Зоценко, это реванш ленинградцев за все!

Я не верю, что все эти вещи заранее не были оговорены. Они не могли быть не оговорены. Как можно приехать в Москву и ничего не знать. Как можно было не знать о съезде писателей!

Тов. Кузак: На меня эта передача произвела впечатление хорошо организованной вылазки, потому что здесь была полная спайка. Здесь нет никаких противоречий. Это хорошо срепетированная передача. Люди по своим взглядам знают хорошо друг друга. Они подобраны. Здесь был организованный подбор и организованные единомышленники, которые отыгрались за все, что они слышали о себе на конференциях. Ведь взгляды большинства выступавших известны давно. Или это незнание тех, кто работает на Ленинградском телевидении, или это заигрывание ленинградских товарищей с некоторой группой участников передачи. Если говорить с партийно-литературоведческих позиций, то это просто антипартийная передача. Здесь налицо попытка апеллировать к народу за тех литераторов, которые давно раскритикованы.

Тов. Бирюков: Здесь я слышал несколько выражений о том, что эта передача не аполитичная. Да, эта передача политическая, но

она пропагандирует политику, противоположную нашей партии. То, что такие передачи проникают на телевидение, говорит о том, что эти люди не понимают взглядов нашей партии и пытаются вырвать из наших рук такое оружие, как телевидение. Ведь в этой передаче нет ничего правильного. Автор говорит, что, по Далю, было «солнышко», а теперь-то «солнышка» не стало. Ведь это вопрос о строе жизни. (Приводит примеры из передачи.)

Это диверсионная вылазка идеологических противников. Нам надо серьезно подумать над тем, чтобы таких вещей не было.

Я думаю о том, что мы должны доверять советским людям и не можем запретить выступать товарищам без текста. У нас без текста выступали товарищи из Верховного Совета. Мне кажется, что если у редактора есть партийное чутье, он заранее почувствует, что этого человека можно повести на студию. Поэтому я считаю, что ответственность редакторов этой передачи очень велика и ответственность нашего коллектива за то, чтобы не было подобных вещей, также очень велика.

Я считаю, что нужно очень строго осудить эту передачу.

Тов. Рапохин: Меня возмущает тот факт, что это все может идти из Ленинграда. Мне очень хочется услышать от товарища Фирсова по-настоящему острую политическую оценку и анализ причин появления этой передачи. И я не удовлетворен тем, что слышал от него. Бесхребетность и аполитичность допущены работниками Ленинградской студии. Это ярко выражена политика, направленная против того, что сейчас проводится партией в литературе, искусстве и вообще в общественной жизни. Это диверсионная вылазка, вылазка злобных элементов, которые стоворились между собой, хихикают. И благодаря ротозейству некоторых товарищей на телевидении подобная вылазка выходит в эфир. Есть среди интеллигенции гнилые элементы, которые сидят на шее рабочего класса, выливают на голову рабочему классу ведра грязи. И это им позволяет делать Ленинградское телевидение.

Я думаю, что и познания русского языка в этой передаче на уровне первокурсника.

Что касается путаницы, то путаница здесь действительно большая. Язык дискутирующих такой, что он отталкивает слушателей.

Что касается истории, то здесь искажение фактов, которое по-настоящему школьному. (Приводит примеры.)

С точки зрения политики это — идеальная вылазка, направленная против самих основ нашей идейно-политической жизни. Не Горький, не Шолохов, не Федин создавали и обогащали язык, а Замитин, Солженицын, Булгаков и т. д. Это значит забраться в квартиру гостеприимных советских людей и пакостить там. Когда наши люди

говорят, что мы претворили в жизнь, для них это звучит обещанием и не подходит.

Я считаю, что нанесено огромное оскорбление нашему народу, и ставлю законный вопрос: как извиниться перед нашим народом? 70 городов, не меньше, слушали эту передачу. С виновниками можно разобратся — не это главный вопрос. Но меня волнует, что когда два года назад на партийном собрании обсуждали положение дел на телевидении, товарищи давали очень резкую, правильную оценку и главный тезис приводился такой, что Ленинград с его революционными традициями должен нести такую культуру, которую от него ждут. Почему допускается дискредитация Ленинграда на Ленинградском телевидении? За это должны ответить товарищи. Надо так спросить: участники ли вы этой передачи или вы дурачки, над которыми издеваются?

Я думаю, что, кроме того, что наказать виновников в Ленинграде, надо нам сегодня спросить у товарища Фирсова, в состоянии ли он далее вести и предусмотреть меры по ликвидации этой ошибки? Как быть дальше? Мы должны вместе с ними пересмотреть болевой перспективный план по телевидению, чтобы подготовить такие передачи, которые были бы достойны Ленинграда.

Тов. Федотова: Что касается Никитина, то должна сказать, что этот промах у него не случайный. Филиппов говорил, что на пленуме писателей обсуждалась книга Битова, а через неделю по телевидению об этой книге шел разговор. Тогда был наказан главный редактор, но не был наказан Никитин, потому что он забыл партбилет и не был на собрании. И на этот раз Никитин остался в стороне. Он был в театре, он не был во время передачи. Но он должен знать, кого приглашают для передачи. И не каждый день Ленинград выходит на Москву с передачами. И доверять одному редактору подбирать людей, а самому быть в стороне, невозможно.

И я считаю, что здесь большая вина и Струженцова, потому что он просто посмотрел тезисы. И почему на передаче в студии присутствует просто редактор? Почему режиссер передачи не выключил пульта? Вы же тоже, гражданин хороший, пропустили передачу. Так почему же после передачи никто не сказал, что это за передача?

Меня глубоко возмущает та болтовня, которую мы ведем, а ни чего не делаем. Мы должны подходить к этому вопросу так: высокое чувство бдительности и полное доверие к народу, который дает передачу.

Тов. Карцов: По-моему, произошел несчастный случай по причине, характерной не только для ленинградских редакторов, — по мере политической принципиальности в условиях преклонения перед авторитетами ученых, кандидатов, писателей.

Я согласен с выступавшими товарищами, но мне кажется, здесь вопрос сложнее и глубже. Мы знаем, что современный модернизм проявляется или в откровенных абстрактных направлениях, либо в модернизации старого. Товарищи говорили, что у нас есть хорошие церковная музыка. Но у нас есть и другие хорошие произведения. Мы должны знать, что те, которые нас слушают, не знают не только «Литургии» Чайковского, но и многие другие произведения.

Почему протопоп Аввакум оставил такое наследие? Здесь нужно говорить, что он высказывал во имя народа.

Передача глубоко асоциальная. Ведь нам говорят о том, что мы портим русский язык. Нам пора требовать полную персональную ответственность всех ученых, писателей и т. д. И пусть они трибуну не используют для себя. Успенский не сказал, что купцы или дворяне портили русский язык, а пришла советская власть и испортила.

Выступающий возмущается, что люди присылают такие названия городов, как «Светлый», «Радостный», «Мечта». Он называет их сплеча, пошлыми. Они издеваются над этим делом.

У меня есть предложение. Поручить товарищам изучить стенограмму самым внимательным образом. Привлечь ученых-языковедов и поручить им выступить с полемикой того, что было.

Вина за эту передачу лежит и на мне как на главном редакторе Центрального телевидения, ибо я основывался на тезисах и не интересовался ею по-настоящему.

Тов. Никитин: Для меня проблемы, которую мы обсуждаем, не существует. Все что здесь говорилось, исключительно справедливо и верно по своей сути.

Я бы эту передачу назвал несколько не так, как здесь говорилось, но по сути то же самое — это махровое славянопочтение. В чем суть этой передачи? Суть этой передачи заключается в том, что почти все ее участники, и даже не сказавшие ничего особенного, как Солоухин, говорили, что все о современности — плохо, а о прошлом — отлично.

Волков говорил, что сейчас нет основы. Это говорилось о языке, но звучало гораздо шире, чем только о языке. Смысл сводился к тому, чтобы вспать отойти от всего, что завоевано. Это звучало во всех выступлениях, во всех тезисах.

Я пришел в эту редакцию из газеты. Я работаю там меньше года. В редакции очень сложная атмосфера. Там крайне маленькая партийная прослойка. Из 47 человек только 5 коммунистов, а среди 9 редакторов только один коммунист — главный редактор. Партийное влияние в нашей редакции на самом низком уровне. Это один факт, который говорит о многом.

Как готовили эту передачу. Ее готовила старший редактор Муравьева и редактор Копылова. Это наиболее образованные, наиболее культурные люди. Они умеют хорошо писать и хорошо разбираются во всех вопросах. Я не могу не согласиться с тем, что все это получилось случайно. Это первый крупный срыв в нашей редакции. Этим занимался Обком партии, коммунисты и общественные организации. Но у нас были и мелкие срывы.

Я не могу сказать, что не ставил вопроса о квалификации наших сотрудников, об их взглядах и настроениях. Я неоднократно ставил вопрос о необходимости укрепления кадров редакции, потому что у нас, кроме нескольких человек, очень слабый состав. Но этот вопрос не был до конца разрешен.

Меня правильно критиковали. Но я был в этот день в театре по долгу службы. Мне представили тезисы. Я их утвердил, а папка была отослана в Москву. Затем все было перепоручено моему заместителю. Но он человек новый на телевидении, работает всего пол месяца. И я не имел права ему это перепоручать.

Тов. Иванов. Ленинградская студия телевидения сделала много, чтобы их программы были интересными, современными. Это опытный, зрелый коллектив, это коллектив, которому доверена очень высокая и ответственная трибуна советского телевидения. Это один из крупнейших студий нашей страны.

Что преследовала эта группа людей и что произошло? Группы писателей-лингвистов из трех городов увидели друг друга только 3 января и так дружно в унисон выступили. Неверно это. Они нашли время спеться.

Я не могу согласиться с Никитиным. Славянофильство имело две стороны.

Эта группа людей проявила полное единодушие даже в тоне, в котором велись разговоры. Это злобный, издевательский тон. Это не выступление людей образованных, которые, говоря о русском языке, могли бы преподать правила русской речи. Этого не было и в помине.

Я думаю, что у патриарха Алексия по-другому оценивалась эта передача. (Примеры.)

Здесь столкнули Даля и Ушакова, которые проделали большую работу по исследованию русского языка.

Здесь упоминают Ремизова, но нет ничего о Шолохове. А ведь и американцы говорят о том, что Ремизов на 10 голов выше Шолохова (так в рукописи. — Б.Ф.).

Это была шовинистическая передача, и в ней шовинистические, великодержавные мысли. Автор говорит, что путают понятия «патриотизм» и «шовинизм». А кто путает?

Все время рассуждают о русском языке. Но правы товарищи, которые говорили, что здесь сплошное косноязычие, столько слов-паразитов. Они, видно, сговорились, что, о чем говорить, но не сговорились, как говорить.

Говорят, что выступавшие не встречались. Но, судя по передаче, они встречались и сговорились.

Почему это стало возможным? Не умаляя большой работы, которую ведет Ленинградское телевидение, я думаю, что это стало возможно потому, что правильных выводов из предыдущих случаев не сделано.

Мы обратили внимание, показывали существо и ошибочность такого подхода. Мы рассчитывали, что товарищи поймут и устранят эти недостатки, и это было нашей ошибкой, что каждый раз мы не довели дело до конца.

Я знаю, что значительная работа ведется на Центральном телевидении по поднятию ответственности, по подбору выступающих. И такая работа должна вестись на всех студиях ежедневно. Мы нашу работу должны строить со всей ответственностью. Мы все должны сделать глубокие выводы.

Товарищи в Ленинграде не нашли в себе силы категорически поправить себя. А это нужно было сделать в Москве. Мы правильно бы сделали, если бы выключили эту передачу. Было бы правильнее, если бы ленинградцы выключили эту передачу и сказали, что это безответственная болтовня и мы не можем продолжать ее.

И еще у нас должна быть ответственность в таких вопросах, кому мы предоставляем трибуну.

Меня не удолетворило выступление Фирсова. Оно было излишне кратким. Я не услышал анализа, что могло привести к такому событию. Я думаю, что мы сегодня должны обсудить вопрос о том, сможет ли он и далее возглавлять этот коллектив.

Режиссер из Ленинграда: У меня создалось впечатление славянофильского налета этой передачи. И я сказал об этом Волкову и Лихачёву.

Тов. Месяцев: Я думаю, что произошел подробный разбор передачи. Я думаю, что у членов Комитета единое мнение, что это политически вредная и идиотно порочная передача. Я думаю, что товарищи правильно характеризовали эту передачу как передачу, которая не выдерживает критики и в историческом плане, потому что многие исторические факты поставлены на голову, и их роль поднята для того, чтобы выпустить тот смысл, который заключался в этой передаче.

Что касается художественных качеств этой передачи, то она не представляет никакой ценности в этом отношении. Мы имеем дело

с вредной и в идейно-политическом, и в художественном плане передач Ленинградской студии телевидения. Я думаю, что это не рецелив, а это выражение той острой борьбы, которая имеет место и которую пытаются навязать нам группы людей, имеющих постоянное чувство локтя, умонастроение которых лежит где-то в одной плоскости. Известно, что их настроения подогреваются извне. И они пытаются, где это возможно, дать бой нашим устремлениям, нашей идеологии, нашим взглядам, мешают жить так, как учит партия.

К сожалению, ни руководители Ленинградской студии телевидения, ни главный редактор литературно-драматического вещания, ни непосредственно ответственные товарищи не проявили настоящей партийной и гражданской бдительности. Почему? Я плохо знаю товарищей, которые непосредственно делали эту передачу. Но я думаю, что это произошло потому, что эти товарищи не обладают внутренним чувством ответственности, и потому, что у них самих в голове ералаш, а может быть, они сами стоят на подобных позициях.

Я думаю, что им не место работать в нашей системе, в Ленинградской студии телевидения. Я думаю, что Комитет поддержит мое мнение отстранить этих товарищей от работы.

Не оказался на уровне и руководитель Ленинградского телевидения Фирсов. У меня в голове не укладываются такие вещи, что как можно, когда идет такая ответственная передача, не заняться ею. Вы не могли просто пройти мимо этой передачи, чтобы ее не посмотреть. То же самое относится и к главному редактору.

В чем причина всего этого? Я думаю, в том, что, по существу, и Ленинградском телевидении не было настоящей борьбы за партийность, за постоянную ответственность в работе. Меня поразило, что когда я позвонил на следующий день Фирсову по телефону, он мне говорит: «А что особенного было в этой передаче?» То ли он потропился с ответом, то ли хотел прикрыть своей широкой спиной виновников, но он не оказался на должном уровне и безответственно, апolitично подошел к этой передаче.

Меня в этой передачестораживает еще одно обстоятельство, за которым нужно внимательно следить. Мы являемся свидетелями националистических явлений в мире. Эта передача подливает масло в огонь и принимает шовинистическую окраску. Здесь сталкиваются целые группы народов. Передача сделана очень хитро и по-своему умно.

Давайте решать:

1. Приказ по Ленинградскому комитету оставим. Обсудим вопрос о Фирсове. У меня было много разговоров о Фирсове. Я его давно знаю. Мы много с ним работали. Я знал его как человека смелого и решительного, когда речь шла о партийности, как человека бесно-

шадного при всяком отклонении от партийности. После моего прихода в Комитет ко мне поступали факты шатания Фирсова. Я ставил прямо перед ним вопрос: или кто-то тебя тянет за собой и ты не в состоянии отрубить конец, либо ты сам в какой-то степени начал качаться. И все больше и больше размышляя над этим и наблюдая его поведение в коллективе, в разговорах с людьми, я пришел к выводу, что речь не идет о собственном политическом шатании Фирсова, что он не изменил своим идейно-художественным принципам и взглядам. Мы пришли к такому выводу, что кто-то и где-то его сильно связал по рукам и ногам, и он по существу не в состоянии повысить партийную требовательность и провести большую воспитательную работу в коллективе.

Я думаю, что этот последний факт должен нас убедить в том, что нам нужно решить вопрос о Фирсове, поставить там нового руководителя, с тем, чтобы этот новый руководитель со свежими силами, будучи свободным от всяких связей, мог бы обеспечить настоящую большую работу в духе политики нашей партии. Поэтому я вношу вопрос о том, чтобы освободить Фирсова от работы директора студии Ленинградского телевидения.

2. Нам надо подготовить письмо с изложением характера передачи и направить его в партийные комитеты и руководителям коллективов, где работают товарищи, которые принимали участие в этой передаче.

3. Доложить ЦК партии в официальной записке о характере этой передачи, о вреде, который она нанесла нашим телезрителям, и изложить ряд мер по укреплению дисциплины в рамках Комитета и на местах. Попросить, чтобы соответствующие отделы ЦК партии вмешались в это дело, и в коллективах, где работают эти товарищи, провести всю эту работу.

4. Мы имеем все основания к тому, чтобы поручить Ленинградскому телевидению подготовить передачу, которая бы вскрыла порочность этой передачи по всем ее позициям, и передать ее в эфир по первой программе.

5. Поручить тов. Филиппову провести собрания коллектива, сначала партийные, затем общие по поводу этой передачи.

6. Нам надо подготовить приказ с учетом обсуждения этого вопроса на заседании Комитета. В этом приказе выразить всю сумму вопросов, о которых шла речь. Поручить подготовку приказа за тт. Иванову, Карцову, Кузакону, Филиппову и Месяцеву.

Тов. Фирсов: Я спрашиваю себя, почему я пришел к такому финалу? Наверное, ошибка заключается в том, что, во-первых, шло мо, я слишком много позволял, создавал условия для проявления слишком большой инициативы. Нашлись люди, которые смогли

этим воспользоваться. Во-вторых, в ряде вопросов я оказался шире. Обращая внимание на многие вопросы, я упустил главные. В-третьих, чувствую ли я в себе силы для того, чтобы делом доказать и смыть вину с себя и с коллектива? Смогу ли я это сделать, чтобы восстановить должную репутацию телевидения? Я могу сказать, что к этому приложу все свои силы, а они у меня есть.

Тов. Мясцев: Завтра в 9.30 проведем закрытый Комитет по этому вопросу и по кадрам.

Просьба ко всем руководителям: рассказать коллективам о заседании Комитета и о выводах по двум позициям: повышение партийности, политической бдительности и требовательности. Мы все время об этих вещах говорим. У нас факты не такого пошиба, но бьются. Мы говорим, говорим: главные редакторы, пользуйтесь властью, предоставленной вам. Комитет не может добираться до каждого работника. Вы должны укреплять дисциплину и повышать требовательность в работе. Нам говорили, что очень много разболтанности по вине многих наших руководителей. И мы с этим мириться не будем.

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ, КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЦК КПСС В СВЯЗИ С ТЕЛЕПЕРЕДАЧЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВТОРНИК»

16 февраля 1966 г.¹

В ЦК КПСС, на Центральное телевидение поступили десятки писем в связи с передачей Ленинградского телевидения «Литературный вторник», транслировавшейся 4 января с. г. по системе Центрального телевидения. Авторы многих писем справедливо протестуют против допущенных в передаче грубых ошибок и неверных высказываний по проблемам развития русского языка, русской культуры и традиций.

Высказывая отдельные обоснованные замечания об увлечении некоторых местных советов переименованием улиц, населенных пунктов, участники передачи (писатель Л. Успенский, О. Волков, В. Солоухин, литературный критик В. Бушин, литературоведы и искусствоведы Б. Вахтин, В. Ив́анов, Д. Лихачёв, Л. Емельянов) заняли в целом неправильную тенденциозную позицию в освещении этих вопросов. Авторы программы «Литературный вторник» в развязном тоне потребовали вернуть прежние наименования городам Куйбышеву, Кирову, Калинин, Горькому, высмеивали такие общепринятые сокращения, как РСФСР, ВЦСПС, протестовали против наименования Ольгина моста в Пскове мостом Советской Армии.

Выступая за чистоту русского языка, они приводили в качестве его эталона произведение Пастернака, Белого, Мандельштама, Хлебникова, Булгакова, Солженицына, цитировали протопопа Аннушу, но при этом совершенно не упоминались имена Чехова, Горького, Маяковского, Шолохова. Участники передачи предложили устраивать публичные концерты духовной музыки.

Назвав наш народ беззаботным в отношении своего прошлого, авторы передачи пытались создать ложное впечатление, что памятники старины в нашей стране якобы не сохраняются, в то же время ничего не было сказано о мероприятиях Советского государства по охране и реставрации памятников нашей культуры и революционной истории.

¹ См.: Распятые. Писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 6. Слово, закованное в цепи / Авт.-сост. З.А. Дичаров. СПб.: Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000. С. 17–18.

Участники передачи игнорировали элементарную журналистскую этику, отступив от тезисов, утвержденных руководством телевидения в соответствии с существующими правилами. Этот факт использования телевидения в целях пропаганды субъективистских и ошибочных взглядов привел к нежелательным последствиям. Неправильная позиция участников «Литературного вторника» нашла одобрение в ряде писем, поступивших на Ленинградское телевидение. Так, гр. Степанов из Москвы пишет, что переименование Петрограда в Ленинград было ошибкой. В другом письме, за подписью «Семейное общество», содержится призыв объявить сбор денег среди населения на реставрацию церквей. Научные работники Института русского языка Академии наук СССР гг. Григорьев и Строганов считают варварством переименование Охотного ряда в проспект Маркса.

Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, обсудив передачу «Литературный вторник», осудил дил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова и главного редактора литературно-драматических программ т. Никитина, принял меры по укреплению дисциплины и повышению ответственности работников студии. Ленинградскому комитету по радиовещанию и телевидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской культуры.

Библиография

- (Айдинян 1990) Айдинян Р. Концептуальные противоречия социальной теории марксизма // Политика. 1990. № 5.
- (Аксёнов 1990а) Аксёнов Ю.С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 110–121.
- (Аксёнов 1990б) Аксёнов Ю.С. Путь к коммунизму: утопия и реальность // Там же. № 11. С. 90–104.
- (Аксёнов 2007) Аксёнов В. Редкие земли. М.: Эксмо, 2007.
- (Аксютин 2004) Аксютин Ю. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
- (Алексеева 2006) Алексеева Л. Вызов системы // Дело. 2006. № 28 (429), 21 авг.
- (Алексеева, Голдберг 2006) Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели: Пер. с англ. М.: Захаров, 2006.
- (Амальрик 1969) Амальрик А. Присутствует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.
- (Андреева, Никитин 1965) Андреева Г.М., Никитин Е.П. Метод объяснения в социологии // Социология в СССР: В 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 1 [1966. Т. 2].
- (Аннинский 1999) Аннинский Л. Барды. М.: Согласие, 1999. С. 22.
- (Антология Самиздата 2005) Антология Самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е–1980-е: В 3 т. / Под общ. ред. В.В. Игрунова; Сост. М.Ш. Барбакадзе. М.: Междунар. ин-т гуманитар.-полит. исслед., 2005.
- (Аппарат ЦК КПСС 2003) Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. М.: РОССПЭН, 2003.
- (Аппарат ЦК КПСС 2005) Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. М.: РОССПЭН, 2005. (Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы).
- (Аронсон, Рейсер 2001) Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. СПб.: Академический проект, 2001.
- (Батыгин 2005) Батыгин Г.С. Социальные учения в условиях кризисных структурных изменений в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005. С. 6–107.